

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМА-ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗУМНОСТИ КАК ОСНОВЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. В. САРЫЧЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществлена историко-философская реконструкция трех этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности. Выявлены и эксплицированы доминирующие на каждом этапе критерии разумности. Объяснена специфика каждого этапа моделирования разумности – геометрического, антропологического и критического. Геометрическое моделирование разумности раскрыто в соотношении с классическим типом рациональности, характеризующимся преобладанием формальных критериев разумности в изучении простых систем, а антропологическое моделирование – в соотношении с неклассическим типом рациональности, для которого характерно доминирование критериев, отражающих ценностно-целевые аспекты в саморегулирующихся системах. Критическое моделирование разумности осмыслено в рамках постнеклассической рациональности и синергетической методологии, что делает возможным синтез формальных и антропологических критериев разумности применительно к условиям саморазвивающихся систем.

Ключевые слова: геометрическое моделирование разумности; антропологическое моделирование разумности; критическое мышление; прагма-диалектическая модель разумности; саморазвивающиеся системы; постнеклассическая рациональность.

THE FORMATION OF A PRAGMA-DIALECTICAL MODEL OF REASONABLENESS AS THE BASIS OF RATIONALITY

A. V. SARYCHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article carries out a historical and philosophical reconstruction of the three stages of formation of the pragma-dialectical model of reasonableness as the basis of rationality, and identifies and explicates the dominant criteria of reasonableness at each stage. The specificity of each stage of reasonableness modelling – geometrical, anthropological and critical – is explained. Geometrical modelling of reasonableness is revealed in correlation with the classical type of rationality, characterised by the prevalence of formal criteria of reasonableness in the study of simple systems, anthropological modelling – in correlation with the non-classical type of rationality, characterised by the prevalence of criteria reflecting the value-purpose aspects in self-regulating systems. Critical modelling of reasonableness is revealed within the framework of post-non-classical rationality and synergetic methodology, which makes possible the synthesis of formal and anthropological criteria of reasonableness as applied to the conditions of self-developing systems.

Keywords: geometrical modelling of reasonableness; anthropological modelling of reasonableness; critical thinking; pragma-dialectical model of reasonableness; self-developing systems; post-non-classical rationality.

Образец цитирования:

Сарычева АВ. Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:20–25.
EDN: MNFKCB

For citation:

Sarycheva AV. The formation of a pragma-dialectical model of reasonableness as the basis of rationality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:20–25. Russian.
EDN: MNFKCB

Автор:

Анна Владимировна Сарычева – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. В. Воробьева.

Author:

Anna V. Sarycheva, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
phs.kupriyanav@gmail.com

Введение

Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности – это значимый процесс в контексте истории философии. Изучение рассматриваемого вопроса актуально по причине того, что данное формирование является одним из современных трендов в изучении человека, которые затрагивают анализ дискурсивных и коммуникативных практик, соотношенных с развитием культурных, политических и социальных систем. В истории философии проблема реконструкции процесса формирования прагма-диалектической модели как основы рациональности связана со становлением постнеклассической рациональности. Развитие последней является ответом на вызовы, требующие поиска методологии для изучения сложных саморазвивающихся систем, а также пересмотром роли ценностно-целевых ориентаций человека в его взаимо-

действии с миром и другими людьми. Это становится возможным в рамках развития трансдисциплинарного подхода, включающего элементы синергетического направления и ориентирующегося на синтез формальных и антропологических критериев разумности. Обращение к анализу данного подхода способствует конкретизации этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности при определении критериев, позволяющих рассматривать человека как разумного участника дискуссии, который обосновывает свое мнение и критически оценивает информацию.

Цель статьи заключается в историко-философской реконструкции основных этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования включают труды Платона [1; 2], Аристотеля [3; 4], Б. Паскаля [5], С. Тулмина [6], Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки [7], а также ряд работ, в которых излагаются результаты уже проведенных исследований [8–12].

В качестве научных методов использована историческая и логическая реконструкция, а также си-

стемный анализ. Метод исторической и логической реконструкции позволил проследить преемственность идей. Системный анализ обеспечил целостный подход при рассмотрении способов концептуального осмысления процесса формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности.

Результаты и их обсуждение

Процесс формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности прошел определенные этапы в рамках истории философии. Реконструкция данных этапов должна включать в себя, во-первых, описание видов моделей разумности, во-вторых, экспликацию критериев разумности, которые обусловлены доминирующими подходами к выявлению рациональности. При решении данной проблемы следует указать на особенности прагма-диалектического направления, становление которого сопряжено с анализом моделей разумности. Оно начало формироваться в начале XX в. Это направление, ассимилируя идеи предшествующих философских концепций, ставит своей целью изучение прагматических и диалектических аспектов во взаимодействии людей. В контексте прагма-диалектики моделирование разумности начинается с попытки экспликации понятий «рациональный» (*rational*) и «разумный» (*reasonable*) [8, p. 124]. Представители данного направления указывают на тесную связь рациональности и прагма-диалектической модели разумности со способностью рассуждать, однако их толкование требует уточнения. В частности, необходимо проследить этапы, на которых формулируются критерии, предопределяющие моделирование

разумности. В таком контексте прагма-диалектики ученые признают влияние идей С. Тулмина и Х. Перельмана, имплицитно содержащихся в концепции этих философов и требующих содержательного объяснения. В связи с этим актуальным становится обращение к идеям данных авторов и определение их значения при раскрытии этапов формирования прагма-диалектической модели разумности.

Значение идей С. Тулмина можно выявить с помощью анализа моделей разумности в контексте различных исторических периодов. Результатом такого исследования становится описание геометрического, антропологического и критического подходов, которые определяют критерии разумности на разных этапах развития философии. Истоки прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности обнаруживаются в рамках древнегреческой философии. С. Тулмин подчеркивал, что древнегреческие мыслители «сформулировали определенные “формальные” идеалы»¹, повлиявшие на последующее развитие геометрии и логики [6, p. 62].

Первый этап, на котором можно обозначить критерии, выработанные для моделирования разумности, связан с развитием геометрического подхода (С. Тулмин) [6]. Анализируя данный этап, С. Тулмин

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

обращал внимание на то, что его становление связано с первоначальной программой философии, представляющей объективный подход. Стремление использовать «формальные процедуры греческой философии» обусловило описание этой программы как «логико-математической или, точнее, “геометрической”» [6, р. 62–63]. В исследовании данного периода значимым является обращение к трудам Платона и рассмотрение роли идей Сократа, которые становятся началом для философствования, затрагивающего «общие принципы, обязательные для всех людей» [6, р. 63].

Важное значение при изучении формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности имеет артикуляция двух тенденций в понимании процесса взаимодействия, которые отражают становление полемической и дискуссионной моделей разумности. Первая модель базируется на софистических практиках, включающих элементы манипулятивной коммуникации, а вторая является примером рационального рассуждения. Истоки выделенных тенденций обнаруживаются в древнегреческой философии. По мнению С. Тулмина, интерес представляют сократические диалоги, в которых прослеживается стремление выявить противоречивые высказывания в целях дальнейшей корректировки посредством установления логических связей.

Полемическая модель разумности может быть эксплицирована при анализе диалога «Горгий» [1]. Проблема обнаружения критериев разумности в полемике становится значимой в контексте определения роли, которую может играть словесная деятельность в достижении целей. В частности, в данном произведении рассматривается роль красноречия в процессе поиска истины. Сократ последовательно выяснял, что необходимо более подробно изучать суть феномена красноречия, и впоследствии пришел к выводу о том, что оно может принимать форму софистического обсуждения, в основе которого лежит «способность убеждать словом» различные группы людей [1, с. 484]. При этом Сократ, будучи человеком, который «тщательно анализировал политическую и этическую риторику своего времени» [6, р. 62], замечал, что в процессе полемики оратор «не покупает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру» [1, с. 487], а софисты не являются наставниками добродетели. Полемическая модель разумности в таком ракурсе рассмотрения направлена не на истинность, а на убедительность информации. Вторая модель, напротив, предполагает совместный поиск истины в дискуссии, поэтому необходимо проанализировать особенности этой тенденции.

Роль дискуссионной модели в формировании прагма-диалектической модели разумности обусловлена становлением формы обсуждения, ориентированной на достижение истины. В качестве примера можно рассмотреть ограниченный характер риторического искусства, обозначенный в диалоге Платона «Федр».

Если искусство красноречия основано на правдоподобии и умении «увлекать души словами», то дискуссия нацелена на установление истины [2, с. 170]. Например, полемическая модель разумности в судебной речи может проявлять себя в позиции «никому нет никакого дела до истины», а в некоторых речах вовсе «следует умолчать о том, что было в действительности, если это неправдоподобно» [2, с. 184]. Таким образом, вместо красноречия на первый план должно выступить искусство диалектики.

Для диалектиков не приемлема позиция софистов, считающих, что один и тот же предмет обсуждения может быть «подобным и неподобным, единым и множественным, покоящимся и несущимся». Диалектики обладают способностью «охватывать взглядом единое и множественное», что позволяет эксплицировать общие принципы, которые реализуются в частных ситуациях. По этой причине в процессе становления дискуссионной модели разумности формируется следующая позиция: «...кто не знает истины, а гоняется за мнениями, у того искусство речи будет, видимо, смешным и неискusstvenным» [2, с. 172]. Эта позиция отражает ориентацию на поиск сущностных, неизменных паттернов, которые противопоставлены изменчивости субъективных позиций. Несмотря на разногласия «по поводу основных аксиом, постулатов или данных» [6, р. 81], которые должны быть основой любых рассуждений, геометрический подход долгое время являлся привлекательным для философов [6 р. 85].

Формирование прагма-диалектической модели разумности связано с дальнейшим развитием геометрического подхода, а именно с идеями Р. Декарта и Б. Паскаля. С. Тулмин подчеркивал, что, «как и Платон до него, Декарт рассматривал геометрию как инструмент интеллектуального строительства» [6, р. 84]. Х. Перельман указывал на роль учения Р. Декарта, который сделал «самоочевидное признаком разума» [7, р. 1]. Это стало возможным благодаря развитию концепта методического сомнения, которое направлено на поиск ясных и отчетливых идей. Вместе с тем рассуждение, характеризующееся как более геометрическое, не должно быть основано на вероятных суждениях и призвано быть полезным для развития науки.

Вклад в формирование модели разумности, характеризующейся как геометрическая, внесли идеи Б. Паскаля. Он рассмотрел геометрическую демонстрацию в качестве шаблона строгих доказательств в рамках искусства убеждения. По его мнению, в древнегреческой философии «ничто не разоблачает столь быстро и решительно коварные уловки софистов, как этот метод», т. е. метод геометрии [5, с. 436]. В процессе поиска истины данному методу следует отдать предпочтение исходя из особенностей интерпретации действия человека, которые зависят от разума и воли. Разум должен играть главную роль, поскольку он определяет «естественные и всем известные ис-

тины» [5, с. 450]. Воля, отражающая «естественные и общие всем людям желания», напротив, может затруднять действия, поскольку не дает прислушаться к рассудку [5, с. 450].

На первом этапе, который повлиял на формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности, зарождаются критерии, относящиеся к классическому типу рациональности. Сравнивая классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности, В. С. Стёпин провел разграничение, которое зависит от системной организации исследуемого объекта, средств и операций деятельности, опосредованных идеалами и нормами науки, а также от «ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними» [9, с. 250]. Геометрический подход позволил подойти к исследованию критериев разумности, включающих следующие черты. Во-первых, доминирующее положение занимает анализ простых объектов, в котором «свойства системы однозначно определяются свойствами составляющих ее элементов» [9, с. 253]. Во-вторых, базисом развития стратегий теоретического исследования должны выступать «очевидные и наглядные принципы» [9, с. 279]. Стоит отметить, что ценностно-целевые ориентации субъектов исключаются из рассмотрения. Исходя из этого, первый этап характеризуется разработкой и применением формальных критериев разумности.

Второй этап, определивший формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности, связан с развитием антропологического подхода. Актуальность данного направления в историко-философском контексте обусловлена выработкой критериев в рамках неклассической рациональности. В таком ракурсе рассмотрения подход, предполагающий доминирование формальных критериев и общих принципов, претерпевает изменения. В частности, «полифония классической рациональности и истины заменена в ней интенцией дискурсных практик и доксы (мнения)», что влечет за собой сдвиг в сторону антропологической модели разумности [10, с. 246]. По мнению С. Тулмина, период «растущего осознания культурного разнообразия и политического многообразия» выдвигает новые требования к интерпретации мышления и системы понятий [6, р. 148]. По этой причине прослеживается тенденция смещения акцента с вопросов о строгости, четкости доказательств и объективности истины в сторону убеждения аудитории, неформальной аргументации и экспликации субъективных позиций.

Антропологический подход к формированию прагма-диалектической модели разумности связан с развитием идей Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Гиттеки. Важной работой является книга «Новая риторика. Трактат об аргументации». В ней обозначен переход от рассмотрения аналитики к анализу диалектики, истоки которой авторы нашли у Аристотеля [7]. Для Аристотеля диалектика выступа-

ет «как искусство рассуждать на основе общепринятых мнений», что не исключает необходимости приводить доказательства тезисов. В трактате «Топика» обнаруживается значение общих мест (топосов) в диалектическом взаимодействии, а диалектический силлогизм выстраивается исходя из учета мнений. Например, основой взаимодействия может стать предмет, по поводу которого «ни одна из сторон не имеет определенного мнения» или по поводу которого «мудрые имеют мнение, противное мнению большинства людей» [4, с. 360]. Соответственно, это качественно иной подход к моделированию разумности в сравнении с формальными тенденциями, обозначенными в геометрической модели разумности. В этой связи следует обратиться к труду Аристотеля «Риторика», в котором описывается, что взаимодействие зависит не только от силы аргументов, но и от характера говорящего (этоса) и настроения слушателя (пафоса), и это подчеркивает важность субъективно-личностных аспектов в определении разумного поведения [3].

Роль антропологического подхода в формировании прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности обусловлена разработкой критериев в рамках неклассической рациональности. Для их конкретизации необходимо вслед за В. С. Стёпиным учесть следующие особенности неклассического периода. Объектом исследования выступает сложная, саморегулирующаяся система, состоящая из подсистем. Выбор средств и действий включает «элементы случайности», он «обусловлен свойствами социальной системы как целого» [9, с. 252]. Основной отличительной чертой, опосредованной становлением неклассического периода, является рассмотрение ценностно-целевых структур в моделировании разумности. Это продиктовано тем, что на первый план выступает «необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеаучными ценностями общесоциального характера» [9, с. 291]. В связи с этим критериями рациональности в данный период становятся ценностно-целевые критерии, которые могут варьироваться в рамках целостности социальной системы.

Третий этап – критический – не отрицает наличия формальных и антропологических критериев, выдвигая на первый план идею критической оценки. Данный этап нацеливает, с одной стороны, на сдерживание догматизма, присущего геометрическому подходу и осуществляемого при помощи критического анализа, с другой – на ограничение релятивизма антропологического подхода посредством выдвижения требований к обоснованию любой позиции.

В формировании критической модели разумности роль играет развитие концепции критического рационализма Поппера [8; 11]. Согласно ей, во-первых, процесс взаимодействия между людьми имеет диалектический характер, т. е. происходит столкновение

противоположных позиций, претендующих на соответствие критериям разумности. Во-вторых, обозначается необходимость разрешения противоречий посредством модификации исходного тезиса [11]. Дальнейшее развитие связано с рецепцией критического рационализма. Так, Х. Альберт указывал на необходимость взять в качестве отправной точки немецкого критического рационализма «идею критической проверки, критической дискуссии всех принимаемых во внимание высказываний на основе рациональных аргументов» [12, с. 61].

Исходя из идей К. Поппера и Х. Альберта, можно утверждать, что критическое моделирование разумности сопряжено с представлениями о критическом мышлении. Такое мышление концептуально раскрывается как «рефлексия конструируемых рассуждений», обусловленная «синергетическим взаимодействием логических, эпистемологических и когнитивных факторов» [13, с. 71]. Логические факторы критического мышления отражают его инструментальные ресурсы, эпистемологические факторы – ресурсы отношений «между элементами человеческого опыта и реальным миром», когнитивные факторы – ресурсы информационно-познавательных способностей в контексте идентичности [13, с. 69]. По этой причине критическое мышление следует рассматривать в качестве коррелята прагма-диалектической модели разумности, так как оно, во-первых, воплощает представления о синкретическом единстве геометрического и антропологического подходов,

во-вторых, является соизмеримым с трансдисциплинарной исследовательской стратегией, развивающей целостное видение (холизм).

Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности на критическом этапе связано с достижением концептуального единства при учете различных критериев разумности. Это обусловлено приверженностью прагма-диалектиков трансдисциплинарному подходу, для которого характерна ориентация на постнеклассическую рациональность. В связи с этим разработка критериев разумности соотнесена с объектом, представляющим сложную, самоорганизующуюся систему, включающую различные уровни, взаимодействие которых образует новые типы связей. Поиск подходящих средств анализа феноменов на критическом этапе связан с синтезом достижений гетерогенных подходов, а также со становлением концептуальной матрицы в синергетике. При этом анализ объективных аспектов должен быть дополнен аксиологическим измерением, поскольку проблемы определения ценностного статуса феноменов обостряют «этические, социально-экономические ситуации современного общества знаний» [9, с. 292]. Критический этап указывает не только на необходимость синтеза формальных и антропологических аспектов, но и на важность критической оценки информации, что на современном этапе является значимым аспектом в определении прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности.

Заключение

Историко-философская реконструкция этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности была осуществлена с помощью выявления отличительных признаков, позволяющих их обоснованно разграничить. К ним отнесены различия в исследуемых объектах, различия в средствах и операциях деятельности, а также различия отношений к определению роли ценностно-целевых аспектов. В результате были реконструированы три этапа и уточнены критерии разумности, свойственные каждой из ступеней.

Первый этап в формировании прагма-диалектической модели разумности связан с конструированием геометрического подхода к моделированию разумности, реализованного в контексте становления классической рациональности. Сущность такого подхода заключается в разработке логико-методологического анализа, который применим к объектам, представляющим собой простые системы. Очевидные и наглядные принципы выступают основой для определения средств деятельности, а ценностно-целевые ориентации субъектов исключаются из рассмотрения. По этой причине на первом этапе ключевыми являются формальные критерии разумности.

Второй этап представляет собой антропологический подход, связанный со становлением неклассического типа рациональности и переосмыслением роли формальных критериев. Объектом рассмотрения становятся саморегулирующиеся системы, в исследовании которых акцент смещен на средства, позволяющие анализировать элементы, имеющие множественный и случайный характер. Особую роль на данном этапе моделирования разумности приобретают ценностно-целевые аспекты, а доминирующими критериями разумности выступают антропологические.

На третьем этапе разрабатывается критический подход к моделированию разумности. Он связан с нарастающим вниманием к постнеклассической рациональности в рамках трансдисциплинарного подхода, объектом изучения которого являются самоорганизующиеся системы. На данном этапе при выборе средств исследования предпочтение отдается ориентации на достижения синергетической методологии, а также учету синтеза знаний из различных дисциплинарных направлений. Такой подход сопряжен с концептом критического мышления как коррелятом прагма-диалектической модели разумности, предполагающей комбинирование формальных и антропологических критериев.

Библиографические ссылки

1. Платон. *Собрание сочинений. Том 1.* Маркиша СП, переводчик; Лосев АФ, Асмус ВФ, редакторы. Москва: Мысль; 1990. Горгий; с. 477–574.
2. Платон. *Собрание сочинений. Том 2.* Маркиша СП, переводчик; Лосев АФ, Асмус ВФ, редакторы. Москва: Мысль; 1993. Федр; с. 135–191.
3. Аристотель. Риторика. В: Платонова Н, переводчик; Тахо-Годи АА, редактор. *Античные риторика.* Москва: Издательство Московского университета; 1978. с. 15–166. (Университетская библиотека).
4. Аристотель. *Сочинения. Том 2.* Микеладзе ЗН, редактор. Москва: Мысль; 1978. Топика; с. 347–532.
5. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать. В: Стрельцова ГЯ, редактор. *Паскаль и европейская культура.* Москва: Республика; 1994. с. 453–456.
6. Toulmin S. *Knowing and action an invitation to philosophy.* London: Macmillan Publishing Company; 1976. 310 p.
7. Perelman Ch, Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: a treatise on argumentation.* Indiana: University of Notre Dame Press; 1971. 576 p.
8. van Eemeren FH, Grootendorst R. *A systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach.* New York: Cambridge University Press; 2004. 224 p.
9. Стёпин ВС. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. В: Киященко ЛП, редактор. *Постнеклассика: философия, наука, культура.* Санкт-Петербург: Мир; 2009. с. 249–295.
10. Воробьева СВ. Конфигурации этоса в концепциях риторической коммуникации Э. Левинаса и Х. Перельмана. В: Бендин АЮ, редактор. *Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Материалы VII Международной конференции. Часть 1, книга 2; 22–24 мая 2002 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Ковчег; 2002. с. 243–251.
11. Поппер КР. Что такое диалектика? Новичкова ГА, переводчик. *Вопросы философии.* 1995;1:118–138.
12. Альберт Х. *Трактат о критическом разуме.* Шишкова ИЗ, переводчик. Москва: Едиториал УРСС; 2003. 264 с.
13. Воробьева СВ. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов. *Философия и социальные науки.* 2015;1:67–71.

References

1. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 1* [Collected Works. Volume 1]. Markisha SP, translator; Losev AF, Asmus VF, editors. Moscow: Mysl'; 1990. [Gorgias]; p. 477–574. Russian.
2. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 2* [Collected Works. Volume 2]. Markisha SP, translator; Losev AF, Asmus VF, editors. Moscow: Mysl'; 1993. [Phaedrus]; p. 135–191. Russian.
3. Aristotle. [Rhetoric]. In: Platonova N, translator; Taho-Godi AA, editor. *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoricians]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1978. p. 15–166. Russian. (Universitetskaya biblioteka).
4. Aristotle. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Mikeladze ZN, editor. Moscow: Mysl'; 1978. [Topica]; p. 347–532. Russian.
5. Pascal B. [On the geometrical mind and the art of persuasion]. In: Strel'tsova GYa, editor. *Paskal' i evropeiskaya kul'tura* [Pascal and European culture]. Moscow: Respublika; 1994. p. 453–456. Russian.
6. Toulmin S. *Knowing and action an invitation to philosophy.* London: Macmillan Publishing Company; 1976. 310 p.
7. Perelman Ch, Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: a treatise on argumentation.* Indiana: University of Notre Dame Press; 1971. 576 p.
8. van Eemeren FH, Grootendorst R. *A systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach.* New York: Cambridge University Press; 2004. 224 p.
9. Stepin VS. [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction]. In: Kiyashchenko LP, editor. *Postneklassika: filozofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: philosophy, science, culture]. Saint Petersburg: Mir; 2009. p. 249–295. Russian.
10. Vorob'eva SV. [Configurations of Ethos in the concepts of rhetorical communication by E. Levinas and H. Perelman]. In: Bendin AYU, editor. *Kirillo-Mefodievskie chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii. Chast' 1. Kniga 2; 22–24 maya 2002 g.; Minsk, Belarus'* [Cyril and Methodius readings devoted to the Days of Slavic writing and culture. Proceedings of the 7th International conference. Part 1, book 2; 2002 May 22–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Kovcheg; 2002. p. 243–251. Russian.
11. Popper KR. [What is dialectics?]. Novichkova GA, translator. *Voprosy filosofii.* 1995;1:118–138. Russian.
12. Albert H. *Traktat o kriticheskom razume* [A treatise on the critical mind]. Shishkova IZ, translator. Moscow: Editorial URSS; 2003. 264 p. Russian.
13. Vorob'eva SV. Critical thinking: interaction of logic, epistemological and cognitive factors. *The Journal of Philosophy and Social Sciences.* 2015;1:67–71. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.03.2023.
Received by editorial board 02.03.2023.